

№ 171

Двадцать четвертый годъ

№ 171

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Основана С. Х. Азбуковымъ.

Памяти А. П. Чехова.

Детство, отрочество и юность А. П. Чехова.²⁾

(Воспоминания школьного товарища).

Любовь к сцене сблизила меня с Антоном Павловичем еще больше. Наши отношения из товарищеских превратились в дружеские. Не было дня, чтобы Антон Павлович не посещал меня. С особенною ласкою мы вспоминали эти посещения летом, в канicularное время. Бывало, окончив свой обед, я выходил во двор и садился на ступеньки крыльца поджидать прихода Антона, который через некоторое время и появлялся. Непродолжительное время приходило Антона Павловича, садился на ступеньки рядом со мною и начинал что-нибудь рассказывать... Я ужасно любил слушать Антона Павловича. Любил его рассказы, дышавшие неподдельным юмором и пересыщенные замечаниями и остротами. Обладая даром водражания, он так мастерски копировал некоторых преподавателей, что присутствовавшие при этом, прямо-таки покатывались со смеху.

Иногда Антона Павловича сопровождал брат его Николай, прозванный в гимназии «Чеховым» за свою неповторимую худобу, приносивший показывать мне свои рисунки акварелью. Он уже тогда проявлял недюжинный талант художника.

Очень часто, во время посещения Антона Павловича, забываясь комичнейшим напором товарища мой Свиря Х—ди, по происхождению грек. Если он засаживался у меня долго, то родители его, обезлюбяющие его отсутствием, обижаясь, отряпали за него посылку. Таким посылкам служила всегда старуха-пьянка, которая, подойдя к воротам, и не входя во двор, протяжно кричала: «Свиря-ра», и находившийся

где-нибудь во дворе Свиря неизменно отвечать: «мучаюсь... Этого лапаческий далаго ибникомь помещень Антономь Павловичемь вь его разеказъ «Свадьба». Литературный талант обнаружился у Антона Павловича уже в эти юношеские годы.

Я помню, в те времена издавался нами гимназический журнал, название которого я хорошенько не припомню, — кажется «Звездочка».

В этом журнале первое и, конечно, самое почетное место занимали: Антон Павлович и товарищ наш по классу Наталья Богораз (имя известной литераторы, пишущей под псевдонимом «Таня»).

Прошмемъ «Чехонте», даннымъ ему уважаемымъ законоучителемъ нашимъ, покойнымъ протоиереемъ Э. П. Покровскимъ, любившимъ в шутку переименовывать фамилии учениковъ, Антонъ Павловичъ воспользовался какъ псевдонимомъ, которымъ онъ подписывалъ въ подлинные время свои первые произведения въ юмористическихъ журналахъ.

Парядка, вместе со мною, Антонъ Павловичъ навещалъ товарищей нашихъ К—выхъ, проживавшихъ недалеко отъ меня. Семья К—выхъ состояла в то время из матери-вдовы, пяти сыновей и замужней дочери, жившей с мужем в смежном флигеле. Старший сын и двое младших занимали с матерью верхний этаж, а в нижнем, полуподвальном этаже, проживали наши товарищи.

Это была, положительно, семья «Ванюшиныхъ». Наверху не было для никому до того, что творилось внизу.

А внизу приходили пообидившица, игра в карты в деньги, чтение порнографическихъ про-

зведений и т. п. Приходить туда кто хотѣлъ и когда хотѣлъ.

Общество тамъ было весьма смешанное, и все молодежь в возрасте 14 — 17 лѣтъ. Квартира эта была удобна для всѣхъ: тамъ скрывался отъ гнѣва родителей ученики, срѣзавшіеся на экзаменахъ; туда же съ утра являлись тѣ, которые по какимъ-либо причинамъ не хотѣли идти въ гимназію. Приходить съ учебниками и просиживали вплоть до обѣда, развлекаясь игрою въ карты. Къ чести Антона Павловича нужно отнести — онъ никогда не принималъ участія въ этомъ мѣломъ времяпрепровожденіи. Да и бывалъ онъ тамъ довольно рѣдко и только по настоянью узнавать о тѣхъ озорствахъ, которыя тамъ учинились. А озорствъ было не мало. Къ числу выдающихся шалостей нужно причислить обливаніе проходящихъ мимо женщинъ водою изъ специально изготовленныхъ для этой цѣли жестяныхъ сифоновъ. Это всегда юрбило Антона Павловича. Его милая душа никогда не могла примириться съ фактомъ такого падательства надъ женщиной. Съ женщиной онъ былъ всегда деликатенъ и рыцарски вѣжливъ. Об одномъ такомъ рыцарскомъ поступкѣ Антона Павловича я хочу сейчасъ рассказать.

Какъ то зимой, среди дня, вдругъ повалилъ снѣгъ, подулъ сѣверный вѣтеръ и метель разыгралась во всю, наметая сажениые сугробы.

Возвращаясь изъ гимназіи въ такую погоду пѣшкомъ не представлялось возможности. Это обстоятельство меня мало волновало, такъ какъ я былъ увѣренъ, что за мною придутъ экипажъ, на которомъ я долженъ былъ захватить за своею сестрой въ женскую гимназію. Но забить тревогу Антонъ Павловичъ, оказавшись за участіе моей сестры, бывшей съ нами также въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ строилъ различные предположенія, что лошади

могутъ не быть дома, что она можетъ занести и даже въ этомъ родѣ. Не взирая на мои увѣренія, что все обойдется благополучно, онъ не сказавъ мнѣ ни слова, ушелъ изъ гимназіи въ общество одного товарища, разыскавъ по волѣ въ снѣгу, утопая въ сугробахъ, гдѣ-то извозчика, захватить за сестрой и бережно доставить ее домой.

Живо припоминается мнѣ еще одинъ эпизодъ, надолго оставившійся въ памяти Антона Павловича. Отецъ мой, человекъ права весьма сурового, строго преслѣдовалъ какія бы то ни было прогулки сестры съ гимназистами. Какъ то разъ, проѣзжая въ экипажѣ по городу, онъ встрѣтилъ сестру съ Антономъ Павловичемъ. Поглядѣвъ на нихъ строго, онъ настолько разъ погрозили имъ пальцемъ. Этого обетательства Антонъ Павловичъ никогда не могъ забыть. Приѣзжая потомъ въ Таганрогъ уже писателемъ съ именемъ, онъ при встрѣчѣ съ сестрой, успѣвшей къ тому времени выйти замужъ, прежде чѣмъ раскланяться, принималъ строгій видъ и грозилъ ей пальцемъ, раздражаясь затѣмъ хохотомъ.

Но возвращаясь къ семьѣ К—выхъ. Какъ я сказалъ выше, сестра нашихъ товарищей проживала съ мужемъ въ соседнемъ флигелѣ, во дворѣ. Мужъ ея А. П. Я—въ, человекъ прекрасной фамилии я въ высшей степени интеллигентный былъ, страстнымъ любителемъ цвѣтовъ и растений. Квартира, занимаемая этою четой, была чуднымъ уголкомъ. Къ небольшому флигелю примыкала прекрасная оранжерея, окруженная цвѣтникомъ съ журчащимъ посреди фонтаномъ. Терраса на этомъ мѣстѣ выросла двухъ этажный домъ, а отъ оранжереи и цвѣтниковъ не осталось и помину.

А. П. Я—въ любилъ молодежь и часто собиралъ насъ къ себѣ. Въ канicularное время на этихъ собраніяхъ семья Чеховыхъ была представлена въ лицѣ трехъ братьевъ: Александра, Антона и Николая.

Александръ находился съ хозяиномъ въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. У Я—выхъ было всегда очень оживленно и весело, чему не мало способствовали предлагаемые радужными хозяевами угощеніе, въ которомъ первенствующую роль играло, конечно, вино.

Разговоръ обыкновенно вращался около театра, такъ какъ и хозяинъ и гости были занятыми театрами. Въ одно изъ такихъ собраній, среди которыхъ театральная возникла мысль объ устройствѣ домашнего любительскаго спектакля. Мысль была подхвачена всеми съ восторгомъ. Рѣшено было приспособить для этой цѣли большой пустующій амбаръ, въ глубинѣ двора, обыкновенно служившій для складки зерновыхъ продуктовъ. Труппа сейчасъ же составлялась изъ большинства присутствовавшихъ дамъ и мужчинъ, между которыми были уже лица и ранѣе выступавшія въ любительскихъ спектакляхъ; но произвелъ фуроръ Антонъ Павловичъ завлечениемъ, въ которомъ онъ просилъ причислить его къ дамскому персоналу и непременно на роли комическихъ старухъ. Уже черезъ два-три дня послѣ рѣшенія этого вопроса, заступали въ амбарѣ молотки плотниковъ, ставшихъ сцену, приглашенный художникъ, при содѣйствіи Николая Чехова, началъ шить декорации, а мы приступили къ выбору пьесы.

Для открытія остановились на пьесѣ «Ямщикъ или шалость гусарскаго офицера», не помню уже какого автора. Роли въ этой пьесѣ были распределены слѣдующимъ образомъ: гусарскаго офицера играть долженъ былъ хозяинъ П. П. С — овъ, станціоннаго смотрителя Александръ Чеховъ, дочь его — супруга хозяина В. М. Я—ва, молодого ямщика — я, сборщикъ на церковь — А. П. Я—въ и, наконецъ, старуху-старостиху — Антонъ Павловичъ Чеховъ. Репетировали мы эту пьесу не менѣе десяти разъ и она у насъ прошла безъ суча — безъ задоринки. Съ

кто изъ зрителей не обратилъ вниманіе на то, что штатскій костюмъ гусарскаго офицера отнюдь не указывать на его принадлежность къ этому роду оружія: что станціонный смотритель игралъ свою роль въ мундирѣ таможеннаго вѣдомства, съ шлягой золотомъ воротничкомъ и что сборщикъ на церковь щеголялъ въ парадикѣ мѣстнаго діакона.

Нельзя себѣ представить того комическаго хохота, какой раздался въ публикѣ при появленіи на сценѣ Антона Павловича, и нужно было отдать ему справедливость. До мельчайшихъ подробностей выдержанный костюмъ и художественный гримъ — дощельны впечатлѣніе.

Въ нашѣмъ околоткѣ эти спектакли пользовались громаднымъ успѣхомъ и всегда дѣлали полныя сборы. Публика на эти спектакли допускалась только избранная, преимущественно обитатели квартала изъ минимальную плату.

Слѣшу добавить, что эти спектакли давались съ благотворительною цѣлью. На дешилахъ, шканилахъ рукою Николая Чехова, всегда значилось, что сборы со спектакля предназначаются въ пользу одного изъ беднаго семейства.

Такихъ спектаклей въ то лѣте (1879 г.) дано было нѣсколько, но я теперь не припомню въ какихъ роляхъ выступалъ еще Антонъ Павловичъ. Роль старостихи заступила собою всѣ другія его роли.

Осенью 1879 г. я разстался съ Антономъ Павловичемъ, чтобы никогда съ нимъ не встрѣчаться. Онъ уѣхалъ въ университетъ, а я пошелъ на военную службу. И больше мы уже никогда не видѣлись. Его приѣзды въ Таганрогъ никогда не совпадали съ моими и только когда я приѣзжалъ въ отпускъ домой, мнѣ говорили: «Былъ у насъ Антонъ, спрашивалъ о тебѣ и просилъ кланяться».

А. ДРОССИ.

Таганрогъ.

²⁾ Окончаніе. См. № 170 «Пр. Кра».